

ВЛАД РАЙБЕР

МОНСТР
В ТВОЕМ ШКАФУ

Влад Райбер

Монстр в твоём шкафу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208816

SelfPub; 2023

Аннотация

Ночной телеэфир давно никто не смотрит. Да и лучше никому не видеть того, что там показывают... Странные похороны. Не то художественный фильм, не то документальная съёмка. Покойницу бросили на траву, а в могилу закопали пустой гроб. Утром ты встречаешь людей с похорон на улицах. Они смотрят на тебя подозрительно. Ты один знаешь их секрет... До дрожи пугающие, истории Влада Райбера открывают читателям новые ужасающие вселенные.

Содержание

Благодарности	4
Семейка чудовищ	5
Трещины	16
Осиновский Крысолов	30
Правила леса	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влад Райбер

Монстр в твоём шкафу

Благодарности

Название к этой книге и иллюстрацию для обложки выбрали сами читатели, с помощью голосования в моём телеграм-канале. Спасибо вам за участие!

Также я благодарю Карину Чепурную, Марию Трусову, Тимофея Быкова, Александра Михайлова и Екатерину Булатову. Спасибо им за финансовую поддержку.

Как всегда, отдельно благодарю Алёну Кулакову. Радуюсь, что она до сих пор со мной и редактирует все мои книги.

Люблю бесконечно!

Влад Райбер

Семейка чудовищ

Я ещё никогда не ехал на такой скорости. Мне хотелось оказаться в ближайшем городе до темноты. Я мчался по совершенно пустой дороге, пересекал местность, что казалась необитаемой. Брошенные поля, ржавые водонапорные башни и деревья, деревья, деревья...

А мне бы доехать до любой закуской. И было бы здорово, если у них окажется натуральный кофе. Не растворимый, не «три в одном», а крепкий, ароматный. И к нему бы простую яичницу с солью. Это бы сделало меня самым счастливым человеком на свете.

Я на мгновение посмотрел на экран навигатора и снова перевёл взгляд на дорогу. Впереди как из воздуха появилась старая карга. Вылезла на трассу и встала посередине!

Нога ударила в педаль тормоза, руки до онемения сдавили руль. Машину повело в сторону. Старуха и не дёрнулась. Машина чудом её не задела.

По инерции выполнив полный разворот и чуть не оказавшись в кювете, машина наконец остановилась. Трагедии удалось избежать. Мой ужас быстро превратился в гнев, и мне хотелось немедленно его обрушить на объект переполнявших меня чувств. Старая карга будто дожидалась этого.

Трясущейся рукой я отстегнул ремень безопасности, вылез из машины.

– Дура! Старая! Зачем на дорогу вышла? – грубые слова так и рвались из меня.

Седая женщина смотрела на меня с довольным видом. Она дождалась, когда я подойду ближе, широко раскрыла глаза и произнесла:

– Тихо! Тихо! Молчи!

От её улыбки у меня свело живот. Старуха смотрела мне в глаза, и я уже не шёл к ней, а стоял на месте. Мне хотелось обругать её, но одним приказом молчать, она лишила меня дара речи.

Женщина не моргала, пока из её глаз не потекли бледно-красные капли. Похоже, вместе со слезами она источала кровь. Я почувствовал диковинную чуждость происходящего: мы со старухой стояли посреди пустой дороги, смотрели друг на друга.

У меня из головы испарились все мысли, я не мог ничего ей сказать и не мог заставить себя вернуться к машине.

– Успокоился?.. Давай, бери меня под руку и пошли.

Я ощутил физический шок, когда понял, что не могу сопротивляться словам старухи. Я подошёл и взял её под руку. Она так и навалилась на меня. Старуха была полной. Кожа на её шее лежала складками и напоминала детскую пирамидку из разнокалиберных колец.

– Хорошо, что ты остановился, а то бы уехал, – бубнила она. – Веди меня домой. Я живу там.

Старая карга указала мне на два могучих тополя, между

которыми ползла песчаная дорога и тянулась вверх по холму.

Мы пошли... Моя машина с открытой дверью так и осталась на обочине трассы.

Старая женщина тяжело дышала. Ходьба ей давалась трудно. На складках её шеи выступил бледно-красный пот. Её кожа постоянно источала кровь. Наверное, это было её проклятьем.

Я подумал, что должен вырвать руку и уйти, но не мог вспомнить как это – напрягать мышцы по собственной воле.

– Немножко осталось, – сказала бабка, когда мы поднялись в горку.

Внизу стоял старинный усадебный дом, истёртый до кирпичика. Двухэтажное жилище окружали деревья и холмы, поэтому его не было видно с трассы.

– Будешь мне помогать, – еле слышно бормотала бабка. – От этих ублюдков помощи не дождёшься!

Мне стало ясно: старая ведьма одним только взглядом сделала из меня послушного зомби. Для этого она стояла на дороге – ловила себе прислужника.

Повинуясь словам женщины, я помог ей подняться по ступенькам, открыл перед ней дверь. Мы вошли в переднюю, еле освещённую закопчённой керосинкой. Тут же появились двое. Меня поразило их уродство, но на лице не шевельнулся ни один мускул. Я не мог выразить испуг, и только удары сердца были такими сильными, что доставали до горла.

Меня разглядывал горбун. Его лицо пересекал длинный

рубец, с которого когда-то не сняли швы и нити вросли в кожу. Рядом с ним стояла худощавая девчонка, с жиденькими хвостиками. Она была дёрганная, как марионетка. Её улыбка растянулась от уха до уха, и она показала акульки зубы. Я оказался в семье чудовищ!

– Ба! Кого ты привела! Он прекрасен. Из него получится настоящий шедевр! – горбун говорил это обо мне, но мне его слова не льстили...

– Даже не думай, – ответила старая карга. – Я старая и мне нужно помогать. А вы, сволочи, сами теперь ловите себе людей.

Я принял от неё пальто, похожее на мешок, и повесил на крючок.

– Не обижайся, Ба... я его съем, – сказала девчонка визгливо и пронзительно. – Я подыхаю от голода. Ты должна мне его отдать!

– Только попробуй, дрянь, и ты вырвешь себе все зубы! Я тебя заставлю! – пригрозила бабка, потом она обратилась ко мне. – Пошли, там надо прибраться.

И я пошёл. Мы оказались в чёрной кухне. Там стояли тазы с горами немытой посуды, ящики с гнилыми овощами.

– Ба! Ну отдай его мне! – визжала тощая зубоскалка.

– Исчезни! – кричал ей горбун. – С другими делайте, что хотите, а этот нужен мне. Я давно хотел такой материал!

Они переругивались и друг с другом, и со старухой.

– Вышли вон с кухни и не смейте заходить! – крикнула

бабка. – А ты принимайся за уборку.

Она сунула мне в руки лохматую щётку с длинной ручкой, а сама села на стул. Я скрёб липкий пол и только размазывал грязь... Я должен был отдыхать в гостинице, а не заниматься этим. Меня выдернули из моей жизни и погрузили в кошмар наяву. Мне хотелось кричать, плакать, но это было невозможно.

В кухне снова появилась худощавая девчонка. Поглядев на меня, она облизнула крупные треугольные зубы.

– Я сказала сюда не заходить! – заорала бабка и её складки на шее задрожали.

– Ты моришь меня голодом, но не запрещай хотя бы пить! Я хочу воды, – с обидой сказала девчонка.

Старуха дёрнула головой, мол «давай быстро». Зубоскалка шмыгнула ей за спину, но вместо кувшина, она схватила тесак для мяса и, размахнувшись обеими руками, ударила им бабке в затылок. Старая карга закатила глаза, издала булькающий стон и ощупала голову.

– ХА-ха-ХА-ха-ХА-ха! – тощая девчонка задыхалась от смеха.

Бабка подалась вперёд и грохнулась всем весом. Стул торчал ногами вверх на её огромной заднице.

Я исполнял последнее распоряжение старой карги – натирал пол щёткой. Теперь я ещё и размазывал её кровь по паркету. В кухню вошёл горбун.

– Ты зачем её убила? – обеспокоено спросил он.

– Хрычовка мне надоела, – девчонка затрясла хвостиками. – И ты слышал, что она сказала? Она больше не хотела приводить нам людей. Тогда зачем её терпеть?

Горбун поднял и опустил плечо.

Мелкая убийца подскочила ко мне и выбила швабру. Я застыл на месте. Девчонка раскрыла пасть и вгрызлась мне в левую руку. Я почувствовал, как острые зубы рвут кожу, мясо, перекусывают кости. Она отхватила мне два пальца – мизинец и безымянный. Мне было невообразимо больно и страшно, но кричал я только у себя в голове. Моё лицо не двигалось, глаза моргали не чаще обычного. Я лишь смотрел, как людоедка, стиснув зубы тянет жилы от моей руки.

– Гадина! – горбатый дёрнул девчонку за плечо, развернул к себе и врезал по лицу огромным кулаком.

От удара у неё из рта вылетели мои пальцы.

– Не смей его жрать! – орал горбун. – Я забираю его себе.

– С какой стати? – девчонка ударилась в слёзы.

– Потому что я теперь старший в доме. Он мой, а ты можешь съесть хрычовку!

– Сам её бери и делай из неё свою дурацкую статую!

Я наблюдал ссору двух чудовищ, а из моей руки фонтанировала кровь.

Уходя Горбун взял девчонку за ногу и уволок её с кухни. Через минуту он вернулся с лампой и железной шкатулкой. Поставил эти вещи на стол и подобрал с пола мои пальцы.

– Садись! Пришью!

Моё тело послушно устроилось на стуле рядом со столом. В двери кухни появилось зарёванное лицо людоедки.

– Видишь! Он меня слушается! Значит, перешёл мне по наследству, – хвастался горбун.

Он вонзал иглу мне в плоть, работал нитью. Наконец мои глаза выдавили пару слезинок. Я хотел, чтобы моё сознание растворилось. Если тело больше не подчиняется мне, тогда для чего оставили разум? Чтобы терпеть пытки?

– Погляди-ка! – горбатый мучитель показал мне мою руку.

Он пришил мои пальцы наоборот – ногтями к внутренней стороне ладони! Мои бледные, обескровленные пальцы были согнуты не в ту сторону!

– Так красивее, – убеждал меня горбун. – Я большой художник! И ты будешь моей лучшей работой.

Я не был способен ему возразить, и «большой художник» с гордой улыбкой разглядывал мою руку.

– Он увидит твои статуи и пожалеет, что я его не сожрала! – дразнила мелкая людоедка.

– Вот дрянь... не зря хрычиха тебя так называла – оскорбился горбун. – Но твоя правда. Пусть посмотрит и решит сам, что лучше: быть съеденным или стать настоящим шедевром. Решим всё без ссор и у нас не будет обид друг на друга.

Девчонка заставила его поклясться, что он отдаст меня ей, если я не захочу стать его творческой работой. Горбун был

так самоуверен, что легко давал на отрез свою голову.

Он бросил иглу и нить и повёл меня за собой. Мы спустились по лестнице в чёрный подвал. Меня оставили около входа. Мелкая людоедка помогла горбуну зажечь старинные лампы. Свет являл моим глазам одну фигуру за другой. Весь подземный зал был заполнен страшными статуями.

Скульптуры из человеческих трупов стояли, сидели, были изогнуты в театральных позах. Человек без кожи, прикрывается руками, будто стесняется «своей наготы». Другой буквально разрывает на себе плоть, показывая скелет. Обнажённая женщина с разрезанным животом, пытается удерживать руками свои внутренности. Лица большинства скульптур перекошил немой крик агонии и ужаса.

Горбун водил меня от статуи к статуе. Особенно он гордился теми работами, что были выполнены с использованием разных предметов: худой старик, сидящий на коленях, держал руль детского велосипеда, а сам велосипед пробивал его тело насквозь. У лысого здоровяка был корабельный иллюминатор в груди, а за ним коричневые лёгкие и сердце.

– Хорошо, когда есть зрители, а то мне их и показывать некому, – с сожалением сказал горбун, эти надругательства над человеческими телами он всерьёз считал искусством. – Это называется «пластинация». И самое сложное в ней – подготовка материала. Прежде всего нужно остановить процесс разложения. Сначала купаешь труп в ванне с формальдегидом, потом вымачиваешь в ацетоне, потом в жидком си-

ликоне. И только на это уходят многие месяцы... Знаешь, что я сделаю из тебя?.. Отпилю тебе верхнюю часть черепа, опустошу голову и наполню её землёй, а потом посажу плющ. Представь себе: из твоей головы, из глазниц и изо рта будут расти побеги плюща и оплетут всё твоё тело. А твоё место будет у подвального окна. Ну! Разве я не гений?

«Убийца! Маньяк! Чудовище!», – вот, что я о нём думал и моё горло скручивалось от тошноты.

– Говори! Решай, чего ты хочешь: чтобы я превратил тебя в вечный шедевр или чтобы она тебя сожрала? – спросил горбун.

– Я сделаю это быстро! – пообещала девчонка.

Мне приказали говорить, и я почувствовал, что могу слегка шевелить языком. Сделав усилие, я произнёс всего два слова: «Отпустите... домой!».

Горбун ударил меня по лицу и пожелал провалиться. Людоедка готовилась снова устроить перепалку.

– Давай лучше так: пусть не достаётся никому, – сказал горбун. – Закопаем его в землю, и мы с тобой не в ссоре! Сам себе поймаем, кого захотим. А этот хрычихин раб пускай содохнет. Нечего нам из-за него ругаться.

Эта идея привела девчонку в восторг. Ей так хотелось увидеть мои похороны, что она забыла о своём голоде.

Ругаясь о том, что я не был достоин видеть его экспозицию, Горбун вывел меня из подвала, показал, где стоит лопата и отдал распоряжение: «Иди на задворок и копай себе

могилу!».

И я пошёл... Позади дома за каменным заборчиком было устроено небольшое кладбище в несколько надгробий. Там не было свободных мест, и я начал раскапывать одну из могил. Чудовища не возражали, они уселись на заборе и наблюдали, как я работаю.

У меня кровоточили недавно пришитые пальцы, алые струйки бежали по черенку, а я всё копал и копал. Уходил в землю, по колено, по грудь, по макушку... пока лопата не ударилась в старый гроб. Горбун подошёл к краю могилы.

– Ну-ка открой! – приказал он и с любопытством наблюдал, как я вытаскиваю руками ржавые гвозди.

– Это наш дед! – воскликнул горбатый увидев кости и отрепье. – Сам давно сгнил, а гроб целый. Давай ложись к нему. Будешь его другом на том свете.

Я подчинился. Подо мной хрустели и рассыпались кости. Вонь стояла непереносимая. Прах набился мне в ноздри и в горло. Я лёг и надвинул крышку. Теперь, не исполняя ничьи приказы, я мог подумать о случившемся:

«Вот как мне придётся закончить – заживо погребённым в зловонном гробу».

На крышку падала земля. Скоро мне стало нечем дышать и, похоже, я ушёл в отруб раньше, чем меня закопали...

Теряя сознание, я уже не рассчитывал прийти в себя и примирился с неизбежной смертью. Но холодный ночной воздух снова вернул меня в чувства.

Я не мог поверить, что вижу звёздное небо. Над могилой стоял запыхавшийся горбун.

– Так ты ещё живой, – сказал он шёпотом. – Вставай, не сдох в земле, так утонешь в ванной.

Я встал... и, кажется, сделал это сам, а не по приказу. Горбун помог мне вылезти. И тут, невесть откуда, выскочила тощая людоедка. С остервенением бешеной собаки, она бросилась на горбуна.

– Я знала, что ты мне соврёшь! – девчонка впилась зубами ему в ногу и одним махом её отгрызла.

– Помогай! Убери её! – орал мне горбун. С каждым укусом людоедка отбрасывала в стороны куски плоти.

А я не двигался с места. Ко мне вернулась свободная воля! Горбун дотянулся до лопаты, и тяжёлым ударом пришиб девчонку. Стоя на коленях, он потратил последние силы, чтобы разрубить её лезвием. Круглая голова людоедки откатилась к забору.

– Гадина, – простонал горбун, его растрепали до костей, мясо висело обрывками. – Неси меня в дом!

Его слова никак не подействовали, и я ударил его ногой в лицо. Горбун упал в разрытую могилу. Он не мог вылезти сам и выкрикивал мне в след грязные ругательства. А я, не чуя под собой земли, бежал к трассе, где на обочине всё ещё стояла моя машина с открытой дверью.

Трещины

Мне казалось, что судьба решила надо мной поиздеваться. Едва мне удавалось приспособиться к последствиям одной беды, на меня сваливалась новая.

Моя жизнь разбита. У меня даже машины не осталось, я её продал, чтобы погасить часть долгов. И приходилось ездить на метро, как в студенческие годы. Мой дом теперь был на самой последней станции. В пути я утешал себя тем, что это временно. Многие падают на дно и начинают всё с начала, да и вообще миллионы людей живут в таких же условиях.

Но когда мой вагон опустел и два соседних тоже, стало казаться, что меня одного занесло к чёрту на рога. Стараясь спасти вечер, я купил торт – самый дорогой, что был в магазине. И ещё взял хорошего вина.

Хотел устроить жене маленький сюрприз. Просто так, без повода. А её не оказалось дома. В комнате и на кухне горел свет, но Кати не было в квартире.

Её белый пуховик, который она часто носила, висел на вешалке, а любимые сапоги стояли у порога. Она могла уйти в чём-то другом, ведь у неё было полно одежды и обуви. Но её сумка стояла на журнальном столике. Мне показалось странным, что, Катя её не взяла. К тому же в ней лежали её ключи от квартиры.

Я попытался вспомнить: открыл ли я дверь своим ключом

или она была не заперта? И, вроде бы, у меня осталось в памяти, как в одной руке я держал торт и вино, а другой крутил замок. И мне было неудобно, я боялся что-то уронить...

Но это, скорее всего, было ненастоящее воспоминание, ведь иначе пришлось бы поверить, что жена пропала из закрытой квартиры, а это невозможно.

Вероятно, ушла к кому-то из соседей... Её мягких домашних тапочек нигде не было. Я ей позвонил. Шли гудки, но она не брала трубку. Время близилось к одиннадцати вечера. Я начал писать её друзьям и подругам – никто из них не знал, где она. Все разволновались, спрашивали: «У вас что-то случилось?», «Ты её не обижал?».

Наоборот, я в последний месяц и лишнего слова не говорил, чтобы случайно её не расстроить. Пытался радовать, по мере возможностей: маленькими подарками, хорошим ужином. Только бы немного поднять её настроение... ну и да – я боялся её потерять.

Слишком резко всё поменялось. Мы жили в новом микрорайоне, а теперь переехали в облезлый блочный дом на самом краю города.

Катя могла только делать вид, что её это не волнует, но не выдержала. Я и сам каждое утро просыпался, видел чёрно-белую тоску за окном и думал: «Что я тут делаю? Как меня сюда занесло?».

Ещё и жена сбежала. Судьба решила меня добить.

Я открыл вино и стал пить в одиночку. Один бокал, вто-

рой... Меня быстро *развезло*. Бутылка закончилась, веселее не стало, но захотелось догнаться.

Я спустился в магазин, взял ещё вина подешевле и сыра на закуску. Так сидел и пил, звонил Кате, а она не брала трубку. Во хмелю мной владели злые мысли. Больше совсем не верилось, что с женой могло случиться плохое. Она бы никуда не пошла пешком. Наверняка, вызвала такси, укатила неизвестно куда и не отвечает на звонки, чтобы не слушать уговоры вернуться.

В бутылке оставалось ещё немного вина, однако меня уже мутило от его вкуса. Я висел над столом, на стене тикали часы. Вот и поздняя ночь.

В следующий раз, когда ко мне вернулась сознание, я лежал под одеялом. Пьяное тело само переместилось в постель.

Рядом Катя! Нет... Всего лишь подушка.

Я был один и меня тошнило. Слюна во рту была кислая, как вино, солёная, как сыр и сладкая, как торт. Мне бы успеть до унитаза.

Только я сел и затрещали стены! Треснули и обои, шорохом посыпалась пыль.

Ко мне вернулся трезвый рассудок, и тошнота скатилась обратно по горлу. Я включил свет. Стену рядом с кроватью от потолка до пола прочертила трещина. Ещё одна... Таких было много по всей квартире. И на кухне, и в прихожей трещины молниями разрезали стены. Этот дом трещал по швам!

Может быть, Катя сбежала, потому что не хотела оказаться под завалами. Теперь я не злился, а бичевал себя:

«Да как я вообще посмел привести любимую женщину в такое место? Она правильно сделала, что бросила меня».

Я сходил в туалет, потом вымыл руки и лицо, попил воды, наклонившись к крану, и пошёл обратно в кровать. И вдруг ощутил холодную руку на голом плече.

Я находил себя вполне трезвым, но кто мог тронуть меня в пустой квартире? Чувства не обманули, в черноте висела чья-то рука. Она торчала прямо из стены.

Одна из трещин широко раздвинулась. В ней застрял человек. Катя?.. Нет! Это была не её рука, а мужская, мускулистая, с короткими пальцами.

Под ногами зашевелился пол, снова рвались обои и позади слышались звуки, будто ползут камни.

Я обернулся – коридор стал длиннее. Трещины в стенах раздвинулись и оттуда потянулось множество человеческих рук. Они замахивались, как для удара и царапали воздух.

Они бы схватили меня, но я стоял у порога – в единственном месте, где можно было увернуться от десятков рук. И я шагнул в комнату. Казалось, она увеличилась в размерах. Все трещины разверзлись и из каждой торчали руки. Тянулись, сжимали и разжимали напряжённые пальцы.

Помню, что я улыбался, потому что был уверен, что всё это абсурд. Галлюцинации из-за отравления дешёвым вином. Но мне было страшно от того, какими могут быть по-

следствия интоксикации. Это могло кончиться гибелью. У меня крутило живот и хватило сил лишь на то, чтобы двинуть кровать в центр комнаты. Туда, где меня не достанут все эти руки.

Я упал в кровать и закрыл глаза, с одной только мыслью: «Если отравление окажется смертельным, пусть это произойдёт во сне».

Но для меня настало новое утро, и я чувствовал себя вполне нормально. Разве что слегка болела голова и мучила жажда.

Сперва я удивился, что кровать стоит в центре комнаты, но через секунду вспомнил, как ночью спасался от воображаемых рук. Стены были в порядке, за исключением того, что все потресканные.

Мне было стыдно перед самим собой оттого, что вчера я напился до бреда и драматизировал так, что готовился умирать. В телефоне было несколько уведомлений о пропущенных звонках, но ни одного от Кати.

Я встал и сразу наступил в липкую лужу. Она была ярко-красная и мне показалось, что это разлитое вино. Однако это оказалось что-то другое, похожее на кровь. Она даже пахла кровью.

На мне не единой царапины. Откуда столько крови? Она растеклась полукругом от стены. Источником оказалась трещина... Алая жидкость по капельке вытекала из кривой борозды, как из глубокого пореза.

Какая-то бессмыслица...

Потом я вспомнил, что читал о похожем случае. У одной женщины в квартире по стенам стекала красная жидкость. Сочилась из розеток и электрощитка. Позже оказалось, что у соседей сверху протёк теплоноситель для тёплых полов.

Я принёс ведро, тряпку и начал тереть. Всё-таки жидкость не была похожа на химическую... Явно кровь! Она густела и сворачивалась, въедалась в ламинат. Мне с трудом удалось всё отчистить.

Как только с уборкой было покончено, в дверь позвонили.

– Катя! – вскрикнул я.

Был уверен, что это она вернулась. Кто ещё мог прийти сюда?

Но за дверью стоял Вадим – друг нашей семьи. И он был чем-то обеспокоен.

– Никита, что у вас случилось? – вскрикнул он и без приглашения втиснулся в дверь.

Я его придержал и спросил, чего он так разбушевался.

– Мне Катя написала... Что тут у вас? – Вадим заглядывал мне через плечо.

– Она тебе написала? Что? Покажи! – потребовал я.

Вадим достал телефон и показал экран. Там было множество коротких сообщений: «ВАДИМ! ПОМОГИ!», «ПРИЕЗЖАЙ СЕЧАС!», «ПОМОГИ МНЕ!!!!!!», «ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИ». Всё это было написано утром.

Я бессознательно попытался выхватить у него телефон,

но мой друг отдернул руку, строго посмотрел мне в глаза и спросил:

– Никита, что это значит? Ты бил жену? От тебя пахнет алкоголем!

– Так, Вадим, успокойся и послушай, – я старался звучать трезво. – Кати тут нет. Я вернулся вчера вечером, а она куда-то ушла. Её не было всю ночь. Я не знаю, где она!

– Понятно! Просто это плохо выглядит, – сказал друг. – Ты не против, если я войду?

– Да, проходи, ты мне будешь нужен, – ответил я, подумав, что один не разберусь в этом кошмаре.

Вадим оттеснил меня в сторону, не разувшись заглянул в ванную, проверил кухню и прошёл в комнату. Он мне не доверял. Но я бы и сам на его месте подумал что-то дурное.

– Это что за... – вскричал Вадим.

И я вспомнил, что у меня там стоит ведро с водой грязно-красного цвета и висит окровавленная тряпка. Это правда плохо выглядело!

Но мой друг орал совершенно по другому поводу. Перед ним разверзлась стена, из расщелины к нему протянулись руки. Много рук! Они схватили его за волосы, за плечи и за ноги и утащили в стену. Я увидел это в последний миг, когда вбежал в комнату. Вадим вместе с неведомыми руками исчез в чёрной пропасти, трещина схлопнулась, как автоматические двери и только ботинок упал и покатился по полу.

Я несколько секунд стоял неподвижно, стараясь сосредото-

точиться на том, что увидел. Перед глазами была пустая стена с рваными обоями и трещиной в виде молнии, а моём мозгу теснились пугающие картинки, которые не могли быть настоящими. Такое невозможно!

Однако у моих ног лежал чужой ботинок, как подтверждение, что мой друг был здесь, а теперь он в стене.

Вот куда исчезла моя жена. Её затянуло в одну из трещин. «Они ещё живы! Их можно спасти!», – подумал я и взял телефон.

Но куда звонить? И что сказать? Надо просто вызвать помощь. Они сами всё увидят!

И только я вспомнил номер службы, как разверзлась другая стена и оттуда хлынул кровавый водопад. Меня окатило, словно потоком рвоты и трещина сомкнулась.

Масса, которую исторгла стена, состояла не только из крови. На пол шмякнулось что-то мягкое и дряблое тёмно-бурого цвета. Скорее всего, печень. У моего мыска лежало вырванное глазное яблоко со светло-серой радужкой. Это был глаз моего друга Вадима...

И ещё в луже валялись вещи... Круглые очки, с тонкой золотистой оправой. Стёкла растресканы в пыль. И жёлтый телефон. Тоже весь разбитый, с продавленным экраном. Эти вещи принадлежали моей Кате.

Глядя на залитую комнату, мне стало ясно, что спасать уже некого. Стены убили мою жену и друга. И если сюда явится полиция, мне вряд ли удастся их убедить, что это сде-

лал не я.

Нужно было уходить оттуда пока сам не оказался в стене! Но я не мог всё так оставить. Мне пришлось смыть кровь. Я держался подальше от стен. Меня чуть не вырвало, когда я собирал человеческие органы в пакет. Очки и телефон положил туда же. Пакет отправился в морозилку, иначе бы соседи потом сбежали на запах гниения.

«Потом решу, что с этим сделать», – подумал я и сбежал в самую дешёвую гостиницу.

Надо было действовать. Избавиться от плотоядной квартиры! Она висела на мне бременем. Я бы предпочёл продать её с условием, чтобы в ней никто не жил. Но ведь всё решает собственник.

И я не мог оставить жильё себе – мне нужны были деньги...

Как только объявление появилось на сайте, мне позвонил риелтор, начал вешать известную лапшу про то, что у него есть клиент, который ищет квартиру в моём районе. И пошли вопросы: когда можно подъехать, посмотреть, поговорить?..

– А нельзя ли обойтись без этого? – спросил я совершенно серьёзно.

Мысль, что придётся туда вернуться, мгновенно вызывала рези в животе. Но сидеть одному в номере гостиницы тоже было беспокойно. Я сходил с ума от пережитого.

Мне надо было с кем-то болтать, чем-то отвлекаться, и

мы договорились встретиться в четыре часа. Риелтор был в пальтишке с иголочки, на его волосах было столько лака, что их и ветер не трепал. Он хотел произвести впечатление.

Я не слушал его. У меня в ушах стучал звук собственного сердца, пока мы шли к подъезду и поднимались на пятый этаж.

Мне хотелось, чтобы он не задерживался там надолго, а только глянул и сразу ушёл.

– Квартиру можно быстро продать, но не по такой заоблачной цене, – сказал риелтор. – Нужно скинуть хотя бы полмиллиона.

– Полмиллиона? – возмутился я. – Она была куплена по цене, которую я указал!

– Не обижайтесь, но вас немного обманули, она столько не стоит, – риелтор изобразил сочувствие. – Квартира плохонькая. Поверьте моему опыту: за такую цену есть много более достойных вариантов. Здесь всюду трещины на стенах. Их бы замазать, чтобы не отпугнуть клиентов... А какова причина продажи?

Этот парнишка, говорил так, будто делал мне одолжение. Он хотел облегчить себе работу, выторговывая у меня цену пониже.

Но я понял, что лучше сдать! Хотя жуликоватый агент этого не знал, он в самом деле оказывал мне щедрую услугу. Эта квартира не стоила вообще ни гроша! Она пережёвывала и выплёвывала людей.

«В морозилке лежат внутренности моих близких, а я не хочу уступать цену... Полмиллиона? Да, хоть весь миллион! Только бы продали побыстрее», – думал я.

Риелтор, тем временем, ощупывал пальцем трещину в стене. Я заорал во всё горло, чтобы он перестал.

Агент оглянулся на меня, как на сумасшедшего. Он и не заметил, как за ним открылась щель. Я пытался отдёрнуть его за пальто, но не успел. Меня опередили шесть белых рук.

Парня схватили за шею, взяли подмышки и за локти. Он и понять не успел, что творится. Только открыл рот, чтобы крикнуть, но и того не успел. Края стены сомкнулись, чуть не оглушив меня ударом.

Во мне умерли все чувства. Я подошёл к стене и положил ладонь на трещину.

Мне хотелось, чтобы забрали и меня. Главное, чтобы это случилось быстро, без мучений. Я не хотел быть хозяином квартиры, которая пожирает людей. Но ничего не произошло.

Прошло около двух часов. Стемнело. Я сидел и плакал, ждал, когда из стен снова ползут руки.

Телевизор включился сам собой. На экране загорелся вертикальный прямоугольник. Видео было снято на фронтальную камеру телефона. Потолок, люстра, а затем лицо. В кадр смотрела девушка с короткой стрижкой и в круглых очках. Это была Катя.

Я нашёл пульт и попробовал переключить канал – не по-

лучилось. Тогда я попытался выдернуть вилку, но провод телевизора был подключен не к розетке, он торчал из стены, зажатый в трещине.

Квартира хотела, чтобы я смотрел то, что мне показываю... Казалось, она мучила меня этими кадрами.

Жена, не замечая, что идёт запись, вела переписку в телефоне. Потом раздался звонок. Катя улыбнулась и ответила. Теперь её было видно в маленьком окошке в нижнем правом углу, а большую часть экрана заполнило лицо нашего друга Вадима.

– Привет! Опять сидишь одна? Никита на работе? – спросил Вадим.

– Ага... Если он работает. Мне иногда кажется, что он просто где-то шатается, чтобы изобразить занятость, – говоря обо мне, Катя скривилась, ей это было неприятно.

– Ты совсем перестала в него верить, – это вроде был упрёк, но Вадим улыбался. Ему, похоже, нравилось, что жена говорит обо мне плохое.

В ответ Катя разразилась гневной тирадой:

– Больше не вижу смысла себе врать. Этот брак был ошибкой. Я свернула не туда. У меня были перспективы на работе, но я уволилась, чтобы помогать ему, а он подставился и пустил всё под откос. Его развели, как лоха. И теперь мы живём в каком-то сарае!

Вадим сменил тему:

– Хотел пригласить тебя куда-нибудь, а ты такая расстро-

енная.

– Думаю, может я и влюбилась в тебя от отчаяния? – Катя вдруг улыбнулась.

– А я тогда почему? – засмеялся Вадим.

Телевизор погас.

Что они делали? Признавались друг другу в любви? Договаривались о встрече? Они крутили роман в тайне от меня! Жена и друг, разом два ножа в спину... Но теперь они мертвы.

Квартира с ними расправилась. И теперь показала почему это сделала. Она помогла мне избавиться от тех, кто мне врали...

Утром в мою дверь яростно долбили. Я думал, что там меня ждут большие неприятности. Однако всё оказалось не так страшно: за порогом стоял Захар. Бывший партнёр по бизнесу. Мы оба оказались в одинаковом положении, но он не собирался прощать мне старые долги.

– Видишь, как быстро я тебя нашёл! – сказал Захар.

– Думаешь, от тебя тут спрятался? – хмыкнул я. – Мне пришлось продать квартиру и переехать, чтобы *раскидаться* по кредитам.

– А про меня забыл! – Захар улыбнулся во все зубы, но в этом не было ничего доброго.

– Не забыл, ты получишь свои деньги, – обещал я по привычке, хотя, как же мне было на него плевать! Этот долг казался самой ничтожной из проблем.

– Слушай, Никита, это уже не тот случай, когда ты можешь дать мне обещание и закрыть дверь, – прошипел Захар. – Мне нужны деньги, и ты мне скажешь, когда и как собираешься их возвращать!

И каков же мерзавец! Наше дело провалилось и по его вине, а большую часть последствий взял на себя я. Но он вдруг вспомнил про старый долг! Какие же сволочи меня окружали всю мою жизнь.

– Захар, мне тут пришла одна хорошая мысль, – сказал я доброжелательно. – Ты... не стой на пороге, заходи! Сейчас во всём и разберёмся.

– Вот это другой разговор! – сказал этот мерзавец, заходя в квартиру.

Осиновский Крысолов

Слово «маньяк», я впервые услышал, когда учился во втором классе. В городской газете вышла статья под заголовком «Осиновский Крысолов». Мама хотела, чтобы я её внимательно прочитал.

Текст был нагромождён словами, значения которых я ещё не знал и пришлось продирааться через строки. В статье не было ничего про ловлю крыс. Название отсылало к средневековой легенде о похищенных детях, ведь в нашем Осиновске тоже пропадали дети и подростки. Они просто исчезали из своих домов. И это продолжалось несколько месяцев.

Никто не отыскал ни одного ребёнка и ни одного тела. Не нашёлся ни один свидетель, который хоть что-то видел. У автора статьи не было никаких фактов, но он осмелился предположить, что это дело рук маньяка, одержимого детьми.

Мама просила меня быть осторожным. Никому не открывать дверь, если её или папы нет дома, остерегаться взрослых на улице, ни с кем не разговаривать и ничего о себе не рассказывать.

Пропажи не были хаотичными. У них была закономерность: они происходили волнами. Первым всегда исчезал не какой-нибудь тихоня, а заметный ребёнок, который не был обделён вниманием сверстников. И вскоре один за другим исчезали все его близкие друзья.

Я никогда не выделялся из толпы других детей. Был как все. У меня был единственный друг – Амир. Не помню нашу первую встречу, казалось, мы знакомы с рождения. Мы жили в соседних квартирах. И постоянно проводили время вместе, то он у меня, то я у него.

Однажды у Амира появилось много друзей. Всё потому, что родители купили ему первую Плейстейшн. Говорят, что сейчас дети испорченные, меркантильные – дружат с теми, у кого самый крутой телефон... Но клянусь: так было во все времена!

В моём детстве большинство ребят довольствовались приставками на картриджах, а у моего друга раз и сразу Плейстейшн. Теперь не я один приходил к Амиру в гости. Он приводил домой одноклассников. И мы сидели компанией вчетвером, а то и впятером. Рубились в Mortal Kombat 4, целыми днями проходили первые три части Resident Evil, Dino Crisis и прочие игровые хиты того времени.

Да, я немного завидовал Амиру и ревновал его к новым друзьям. Но он не уставал напоминать мне, что я по-прежнему его лучший друг и так будет всегда.

Мы с размаху ударялись ладонями, жали друг другу руки и повторяли: «Дружба на всю жизнь!». Я в это верил. Думал, что мы и в старости будем вместе.

Однако я потерял своего лучшего друга, когда мне было восемь, вскоре, как прочитал статью в газете. Амир пропал. Исчез из своей комнаты ночью. Как растворился в собствен-

ной кровати.

Я, как и все, был в шоке, но первое время не убивался и не плакал. Просто не мог поверить, что с Амиром могло случиться что-то плохое.

Он найдётся! Мой друг всегда был и всегда будет – так мы договорились.

Потом исчез его одноклассник Дима, который часто бывал у него в гостях. Через неделю исчез Серёга – ещё один школьный друг Амира. Эти ребята тоже пропали ночью из своих квартир.

Тогда я попрощался с иллюзиями и понял: он не вернётся никогда, как не вернулись другие похищенные дети. И я тоже скоро исчезну! Меня заберёт Крысолов. Странно, что он не украл меня первым.

Мама тоже поняла, что к чему и попросила отца навесить замок на балконную дверь. Мама так волновалась, что проводила и встречала меня со школы. И у меня больше не было своего ключа. Теперь я не мог покинуть квартиру без родителей. Да и куда было рваться? Я сам боялся до дрожи.

Газетный писака использовал легенду о Крысолове лишь для красного словца. Но я был ребёнком и воспринимал это всерьёз. В средневековой истории, Крысолов манил за собой детей с помощью музыки. Я думал, что и этот маньяк может использовать звуковой гипноз.

Дети открывают перед ним двери и молчаливо уходят за ним...

На ночь я закладывал ватой уши, ведь ещё не знал, что она бесполезна, как и замки на дверях.

Я проснулся ночью и сразу увидел в углу своей комнаты страшного, высокого человека.

На нём были тёмные брюки в полоску, пальто с широкими плечами, а на голове шляпа-котелок. Такую одежду давно никто не носит. Его лицо было настолько отталкивающим, что я не мог на него смотреть.

Этот человек, похоже, дожидался моего пробуждения. У меня не получилось притвориться спящим, от страха моё дыхание стало слишком шумным и высокий человек двинулся к моей кровати.

Он поднял правую руку. Из рукава показалось что-то острое. При первом взгляде, мне показалось, что это нож, но это и была его рука – вытянутая, наточенная кость, как лезвие. А его левая рука была нормальная, как у всех людей.

Человек подступал неторопливо. Я же мигом выскочил из-под одеяла и пролетел мимо прямо в коридор. Верзила махнул рукой-ножом по воздуху.

Я вбежал в спальню родителей с криками: «Мама! Папа! Меня убивают!». Но их там не было! Их не было нигде! Ни в спальне, ни в коридоре, ни на кухне. Они исчезли, а входная дверь, обычно запертая на все замки, была открыта. В подъезде, как и в моей квартире не горели лампы.

У меня не было времени думать – за мной по коридору шёл страшный человек и я босоногий, в одной пижаме ока-

зался на тёмной лестничной площадке.

Дверь квартиры напротив и все остальные в подъезде, тоже оказались открытыми. Я бежал вниз, звал маму и папу.

Позади громко топали ботинки, перила гудели. За мной спускался страшный верзила. Он прибавил шаг, чтобы не упустить меня.

Я звал на помощь, но не заглянул ни в одну из квартир. Интуитивно чувствовал, что все они пусты. Все люди в нашем доме исчезли. Остался только я и этот человек с ножом вместо руки.

На улице горел фонарь, но сразу погас, когда убийца ступил во двор. Он не бежал, а двигался быстрым шагом. Длинные ноги позволяли ему преодолевать сразу большое расстояние, и он отставал всего чуть-чуть.

Я запретил себе оглядываться и побежал быстро как мог. Сбивал пятки о гравий, но бежал.

Наш маленький город всегда был тихим по ночам, но тогда это была особенная, мёртвая тишина. Дрожь прошла по спине, когда я понял, что кричать бесполезно – нигде нет людей. Словно весь мир опустел. Никто не придёт на помощь!

Куда ни глянь – всё открыто: подвалы, магазины и даже трансформаторные будки. Я желал только отделаться от верзилы. Его заострённая рука обещала страшную и мучительную гибель. Я постарался сделать так, чтобы он потерял меня из виду. Сворачивал за каждый угол, бесшумно пробежал по траве и наконец нырнул в открытую дверь хлебной лавки,

и укрылся в кладовой.

Я видел, как за большими окнами погасли фонари. Это означало, что он был рядом.

Человек в шляпе прошагал в холодной тьме и замер на пороге хлебной лавки. Он не входил, но и не следовал дальше, будто решал, стоит ли тратить время, чтобы осмотреться внутри.

У меня сжались и сердце, и лёгкие. Я потерял способность дышать. Верзила стоял на месте. Обе его руки скрывали длинные рукава пальто.

Мои ноги были истёрты. Я знал, что мог наследить кровью и страшный человек без труда меня найдёт, если обнаружит пятна на полу.

Что было делать? Только сидеть, молчать, не издавать ни звука и надеяться, что он пройдёт мимо.

Я сжимал руки в замке, как в молитве. Пальцы потеряли чувствительность и стали холодными.

Верзила ушёл. Он отправился искать меня в другом месте, а я так и остался сидеть на полу в кладовой.

Я проснулся от удара в живот. Грузчик нёс ящик с буханками и не заметил спящего ребёнка на полу. Увидев обычного человека и ощутив аромат свежего хлеба, я заплакал. За окнами сияло рассветное солнце и люди снова были здесь.

– Мальчишка! – вскрикнул грузчик.

Он и продавец пытались добиться от меня объяснений, как я оказался в закрытом магазине. Мои ответы не казались

им правдивыми: дверь не могла быть открыта ночью, тогда бы сработала сигнализация.

Мои мать и отец уже успели со мной попрощаться. То, что моя кровать пуста, мама обнаружила ещё в час ночи, ведь она часто проверяла мою комнату.

Когда мы встретились, родители меня и ругали, и обнимали, и плакали. Я не понимал их, а они не понимали меня. Мы будто разговаривали на разных языках.

Они хотели знать, как я смог выйти из закрытой квартиры. Я говорил, что квартира была открыта, а родителей не было.

– Постарайся, вспомни! – упрасивала мама. Ей казалось, что я говорю бессмысленные вещи.

Что значит «вас не было»? Как это «езде открытые двери»?

Когда я описывал того, кто за мной гнался, мои слова тоже подвергали сомнению.

– Ты говоришь: у него был нож?

– Нет! Его рука была ножом!

По моим рассказам было невозможно составить портрет. Высокий человек в старинной одежде, неопределённого возраста, лицо представляет собой сплошные бугры и рытвины. Я не запомнил, какой величины был его нос, какими были глаза.

Несмотря на то, что я был единственным ребёнком, которому удалось спастись, мои свидетельства не имели никакой ценности, потому что они напоминали кошмарный сон.

Я боялся, что верзила придёт за мной снова. Когда мне было особенно тревожно в темноте, я приходил в комнату родителей с одеялом и подушкой. Мама не говорила ни слова, если утром находила меня спящим на полу у своей кровати.

Но ничего не произошло. Ночные похищения прекратились. Больше не пропал ни один ребёнок. Амир дружил ещё с одним мальчиком из своего класса и часто приглашал его в гости. Если рассуждать в логике моей теории: он тоже должен был оказаться под угрозой. Однако с ним ничего не случилось.

И я сделал предположение: той ночью высокий человек перенёс меня в свой мир и намеревался убить, но ему это не удалось. Цепь оказалась разорвана. И не получив жертву, мистический маньяк умер.

Те дети, что исчезли ранее, так и не нашлись.

Родители Амира уже через год перестали верить, что их сын вернётся. Я это понял, когда они заглянули к нам в гости. Мама моего друга принесла коробку с приставкой, а его отец поставил передо мной стопку дисков с играми. Они попросили взять это на память.

Я, конечно, мечтал об этой приставке, но она не должна была достаться мне такой ценой. И запустил я её всего один раз. Поиграл и забыл. Оказалось, что мне не так нравились игры, как времяпровождение с лучшим другом.

Тогда в восьмилетнем возрасте моё детство закончилось.

Или наоборот – я навсегда остался ребёнком. С годами мои страхи стали обычными привычками: я никогда не жил отдельно от родителей и не искал таких возможностей. Я всегда закрывался в квартире и в комнате, потому что вид пустых проёмов вгонял меня в панику.

Много лет подряд, ложась спать, я повторял себе: «Маньяка больше нет». Но если случайно просыпался ночью, сразу бросал взгляд на золочёную дверную ручку...

«В городе снова пропадают дети», – об этом начали говорить все, сразу после первого случая.

Исчезла девочка семи лет. Исчезла ночью из закрытой квартиры. И уже утром об этом знал каждый житель Осиновска. События двадцатичетырёхлетней давности были глубокой травмой для нашего города и первый похожий случай стал триггером.

В городе снова пропадают дети!

Я не хотел говорить это вслух. Надеялся, что это всего лишь совпадение. Но в ту же неделю пропала ещё одна маленькая девочка. Подруга первой пропавшей. И мне пришлось согласиться: начался новый сезон похищений. Он вернулся.

Дети пропадали, а мои воспоминания ожили. Я ощущал их ужас. Знал, что такое проснуться, увидеть его в своей комнате и понять, что рядом нет никого, кто мог бы тебя спасти.

Я стал беспокойно спать. И это повторилось со мной. В одну ночь дверь в моей комнате оказалась открыта!

Когда я увидел чёрный проём вместо золочёной ручки, у меня свело мышцы живота, а из горла едва не вырвался крик. Но в моей комнате не было страшного человека. Я просто перенёлся в его мир.

Давняя связь...

«Наверняка, он сейчас гоняется за каким-нибудь ребёнком», – думал я, стараясь уснуть.

Мне хотелось проснуться утром и обнаружить свою дверь закрытой. Так и произошло. А моя догадка подтвердилась: той ночью пропала очередная первоклассница.

Теперь я почти не спал. Не мог успокоиться. Только погружался в сон и через час просыпался. Смотрел на дверную ручку. Настала ночь, когда я снова её не увидел!

Темнота. И я один в целом доме. По телу текли струйки пота. Я откинул мокрое одеяло и встал. Комната не казалась мне безопасным местом. Надо было одеться, а главное – обуться и быть готовым бежать.

Высокий человек, мог припомнить своё незаконченное дело!

В подъезде лампы мерцали неровным светом. Я вышел из квартиры и как по старой привычке пошёл в соседнюю. Скромное жилище, похожее на моё. Давно я там не был...

Вот она – комната моего пропавшего друга. Я заглянул и увидел кого-то ужасного! Он сидел на полу, оперевшись на стену. Мне показалось, что это существо выжимает улыбку, но на самом деле его губы истлели, обнажив челюсть.

Передо мной лежало истлевшее тело. Мёртвые останки моего друга. У мумии была заметная щель между передними зубами. Точь-в-точь, как у Амира. И я узнал футболку. На разорванной ткани ещё угадывался принт с жёлтой спортивной машиной. Его любимая футболка.

Капли пота скатывались из подмышек, казалось, по телу ползают какие-то насекомые. Я увидел своего друга, который никуда не пропадал, а всегда был здесь – в своей комнате, но на другом слое реальности.

Он замер в позе своих последних страданий. Наверное, всё было так: страшный человек появился в его комнате, Амир вылез из кровати, пятился назад, пока не наткнулся на стену. И верзила пробил ему грудь.

На иссохшей коже между рёбрами осталась широкая рана...

Я смотрел и не мог пошевелиться, только живой крик заставил меня встрепенуться.

Маленькая девочка звала маму на помощь. Из окна её было не увидеть, она была далеко. Но в мёртвой тишине её крик разносился по всем улицам.

Я видел направление: где гаснут фонари – туда и нужно бежать. Раздумывать было не о чем.

И я поспешил, пока не стало слишком поздно. На том слое реальности носился пронизывающий ветер, а эта девочка с растрёпанными волосами, бежала по улице в лёгкой ночной сорочке. Она была босая и не могла бежать слишком быстро.

Маньяк не торопился, издевательски плёлся позади.

Что-то в нём изменилось. Он осунулся и сгорбился, будто перенёс тяжёлую болезнь, от которой едва смог оправиться. Но он всё ещё был намного выше меня, и его рука-нож по-прежнему угрожающе сияла.

Пересекая дорогу, я подхватил девочку на руки.

Страшный человек что-то выкрикнул. То ли слова, то ли бессмысленный набор звуков. Разобрать можно было только эмоцию – злость!

Мне показалось, что он узнал меня.

Я бежал, не чувствуя вес ребёнка на руках, а ощущал только своё сердце. Девочка не переставая кричала. Страшный человек бежал за нами, теперь он старался изо всех сил.

Не знаю, как я снова оказался у той хлебной лавки. Ноги сами принесли туда.

Я зажал девочке рот ладонью и попросил её замолчать. Пока маньяк не появился на улице. Я усадил её в кладовую, сказал: «Пожалуйста, сиди тихо, тогда он нас не найдёт!». Девочка всё поняла. Она держала свою челюсть, чтобы зубы не стучали. Она верила мне, как взрослому. А я сомневался в своих словах. Думал, что в этот раз маньяк не даст себя обмануть, войдёт в хлебную лавку, прирежет сначала меня, а потом и ребёнка.

Но он прошёл мимо открытой двери хлебной лавки!

Не помню, когда я уснул, но, когда проснулся мы оказались запертыми в кладовой. Девочка смотрела на меня дро-

жащими глазами и молчала. Кажется, она боялась меня, ведь я был для неё незнакомым взрослым мужчиной.

Скоро нас нашли работники магазина и я попытался всё объяснить, но мне снова не верили. Отвели девочку подальше от меня, попросили сесть и успокоиться, пока не приедет полиция...

Я просил её подтвердить мои слова: «За тобой гнался страшный человек, а я тебя спас. Скажи! Я ведь говорю правду!». И девочка отвечала: «Да!». А эти люди вмешивались, говорили: «Не надо давить на ребёнка!».

И теперь меня держат в камере, как преступника, спрашивают: «Где остальные дети?».

Не я их похитил! Когда меня сюда упекли – исчезновения сразу прекратились. Но это не то, чем кажется! Я спас его жертву и снова разорвал цепь.

Прошу вас отнестись к моему письму с полной серьёзностью. Поговорите с девочкой. Не вытягивайте из неё то, что вам кажется логичным или удобным. Попросите её рассказать всё, как было и поверьте ей. Поверьте мне!

Правила леса

Я познакомился с Андроном в клубе любителей велопробегов. Мы катались вместе каждые выходные и подружились.

Зная себя, понимаю, что без него мог бы забросить спорт через пару недель. Но мне было так интересно общаться с этим парнем, что я не ленился каждую субботу вставать ранним утром и ездить вместе с группой вокруг города.

Сам Андрон активно проводил время не только по выходным, а постоянно. Он был ещё и «выживальщиком». Хотя он был против использования этого слова и говорил, что это называется не «выживание», а спортивный туризм.

Андрон выезжал в дикие места и мог проводить там несколько дней. Он так интересно об этом рассказывал, что я попросил взять меня с собой как-нибудь. И друг сказал: «Конечно! Давай в следующие выходные не с группой поедem кататься, а отправимся в лес. У меня есть вторая палатка».

И я сразу подумал: а не зря ли напросился? Это же совсем не моё – ходить по лесам, ночевать в палатках. Но почему бы разок не попробовать, вдруг будет интересно.

Мой друг как раз планировал посетить место, где сам ещё не был – незаконченная туристическая тропа в густом лесу в двадцати километрах от нашего дома.

Несколько лет назад какие-то ребята хотели прорубить там дорогу – восстановить исторический маршрут. В сред-

ние века через этот лес проходила часть торгового пути. Но энтузиасты бросили эту затею, не сделав и половину.

Андрон хотел посмотреть, как глубоко они продвинулись.

С самого начала я чувствовал дискомфорт. Мне было непривычно ехать с огромным рюкзаком. И ехать по лесу совсем не то, что по дороге – всё время скачешь по корням и кочкам, руль в руках трясётся.

Тропа шириной в два метра была как прямая линия. Мы ехали по ней минут двадцать и упёрлись в сплошные еловые заросли. Я был рад, что мы наконец слезли с велосипедов и пошли искать поляну для привала.

В глубине лес стал пореже, уже не приходилось тащить велосипед через кусты. Место казалось совсем диким, нехоженным, но вдруг нам попался предмет человеческого присутствия – кукла-пупс, подвешенная за ноги на верёвке. Игрушка висела на ветке сухого дерева. Земля вокруг него была мёртвая, всюду валежник, труха и ни одной живой травинки.

– Сектанты здесь что ли побывали, – сказал Андрон, глядя на куклу.

Она была перемазана сажей, на лбу чёрный крест. Мой друг только коснулся и у пупса отвалилась голова и по земле покатилась свёрнутая бумажка.

Я сперва принял её за сигарету, но это оказалась записка. С одной стороны было написано: «Следуй правилам леса», с другой: «Не отвечай чужим голосам». Почерк неровный, буквы прописные и печатные.

Прочитав текст вслух, я спросил Андрона, как он думает, что это такое. Он ответил:

– Наверное, какой-то квест, их часто устраивают на природе. Давай сделаем, как было, а то участники не найдут подсказку. Его слова показались мне логичными. Я сунул записку в голову пупса и приделал её на место.

Мы выбрали поляну, где было достаточно тени и света, а трава росла мягким ковром. Пока собирали палатки, я сказал, что это всё-таки выживание. Как много надо сделать, чтобы побыть на природе: вышел из зарослей – осмотрел себя нет ли клещей, надо обрабатываться от комаров, искать дрова для костра.

Андрон возразил: дрова не нужны. Оказалось, что он против разведения костров.

– Лесные пожары – страшная вещь. Современный туризм, должен быть современным, – мой друг достал из рюкзака походную газовую плиту. – Мы же не на лошадях сюда прискакали и не шалаши из веток строим.

В рюкзаке, который я нёс, нашлась специальная походная еда. И не в консервных банках, а в мягких пакетах. Мы отобедали рисом с цыплёнком, а ужинали говядиной с фасолью. И это было вкусно.

Вечером мы тоже не разводили костёр, а сидели при свете фонаря, что работал в «режиме тёплого пламени», имитируя дрожание огня.

– Зато не пропахнем дымом! – говорил Андрон.

Затем мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по палаткам. Мне понравился первый день в лесу. Я уже готовился засыпать и вдруг ко мне влез Андрон. Он был напуган до трясучки, а я как тот, что доверил ему свою безопасность, испугался ещё сильнее.

– У меня что-то в палатке! – сказал он.

– Змея? – это было самое страшное, что я мог представить.

– Да какая змея? – друг рылся в рюкзаке, искал нож. – Ты не слышал?.. Я лежал в своей палатке и меня снаружи кто-то спрашивает: «Ты спишь?». Голос звериный какой-то... Я подумал, что это ты надо мной прикалываешься и отвечаю: «Сплю!». И ко мне в палатку что-то забралось. Лохматое, большое, с енота размером.

Я не понимал, что это ещё за бред. Он же сам говорил, что в этом лесу не должно быть животных крупнее белок! Да и как зверь мог разговаривать?

– Это не зверь! Но и не человек. Лицо как у человека – страшная морщинистая харя... А тело звериное, лохматое. Оно мне там всё перевернуло!

Я подумал: а не врёт ли он мне? И вдруг снаружи послышался хрипучий голос:

– Ты спишь?

Андрон сжал рукоять ножа и губы его дёрнулись, но я показал ему жестом «Тихо!». Затем приблизился и напомнил шёпотом: «Не отвечай чужим голосам».

Происходящее отдавало чем-то сатанинским и мне сразу вспомнилась та записка. Друг кивнул, и мы около часа сидели не шевелясь, слушали, что происходит снаружи. Больше никаких голосов не звучало.

Спали мы по очереди, охраняли друг друга с ножом и вышли наружу только утром. Палатка Андрона была изорвана, как и вещи внутри. По всей поляне валялся пух из спального мешка. А в земле торчала высокая палка, на конце которой была накручена полоска бумаги.

Ещё одна записка с призывом соблюдать правила леса и новое требование: «Не ходи по высокой траве».

– Ты извини, – сказал Андрон. – Первый раз со мной такое. Сорвали нам отдых. Давай, поехали отсюда.

Друг сфотографировал беспорядок на телефон, собрал в рюкзак испорченные и уцелевшие вещи. Я тоже сложил палатку.

Наши велосипеды стояли на краю поляны, пристёгнутые к деревьям. Они как раз были в высокой траве и когда Андрон пошёл туда, я напомнил, что было в записке и попросил быть осторожнее.

Он только махнул рукой, а потом раздался тяжёлый звон металла, будто капкан хлопнул. Да это и был капкан! Огромный и тяжёлый, вонзился зубьями в колено моего друга и разом перерубил ему ногу!

Я услышал, как затрещала сломанная кость. Осознав, что произошло, Андрон заорал. Он не удержался на одной ноге и

упал в траву. Тут же его крик прекратился. В зарослях стоял ещё один капкан, в который мой друг упал головой. Железные зубья воткнулись ему в лицо и затылок, и он мгновенно умер.

Это всё произошло у меня на глазах. Человек, который взял меня с собой в поход за секунду превратился в изуверченный труп. Надо мной сияло солнце, вокруг щебетали птицы, а я смотрел в мёртвые глаза Андрона.

Я не думал, не размышлял, а просто реагировал. Достал смартфон, чтобы вызвать помощь. Экран горел, но не реагировал на мои прикосновения.

Мой смартфон сошёл с ума... или наоборот «обрёл разум», потому что он сам по себе отвечал на сообщения моих близких. «Всё хорошо! Место чудесное. Надо нам как-нибудь и с тобой выбраться в поход», – телефон отправил это сообщение моей девушке, а после экран погас и больше не включался.

Происходящее наводило на мысли о галлюцинациях. Мой друг вчера заваривал чай с ароматными лесными травами. Может они оказались ядовитыми? Но всё было так ярко, так реалистично!

Надо было выбираться из леса, и я знал куда идти. От поляны два шага до мёртвого дерева, а там дальше тропа и шагать по прямой. Я не стал брать велосипед – он стоял в высокой траве, а ходить можно было только по мелкой поросли, по голой земле и по стволам упавших деревьев.

Так я выстраивал себе путь, словно играл в детскую игру, где ступишь не туда и попадёшь в «лаву». Только в моём случае это были не шутки. В любых зарослях могли быть капканы.

Пятачок мёртвой земли и кукла-пупс на ветке сухого дерева остались далеко позади.

– Ау! Помогите! На помощь! – я шагал слишком долго, но так и не нашёл нужную тропу.

Хотя был уверен, что выбрал правильное направление. Лес был, как бесконечный...

Мои панические поиски привели меня на то же место! Я опять оказался на поляне, но вышел уже с другой стороны. Не знаю, как это могло получиться, ведь я шёл только прямо.

Там валялись наши рюкзаки, стояли велосипеды в зарослях, а рядом тело моего друга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.